

2. Вигель Ф.Ф. Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: в 7 ч. Ч. 4. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1864. 524 с.
3. Гришаева Т.А. Мода как феномен современной культуры: автореф... дис. кан. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 24 с.
4. Карамзин Н.М. Сочинения Карамзина: в 9 т. Т. 7. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1834. 294 с.
5. Новиков Н.И. Избранные произведения / Подготовка текста, вступит. статья и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. 744 с.
6. Страхов Н.И. Переписка моды, содержащая письма безруких мод... М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1791. 238 с.
7. Фасмер А. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М: Прогресс, 1986. 671 с.
8. Фонвизин Д.И. Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина / под общ. ред. П.А. Ефремова. СПб: Типография И.И. Глазунова, 1866. 691 с.
9. Штурм Л. Архитектура воинская. Гипотетическая, и еклектическая... М.: Моск. Печат. двор, 1709. 237 с.

А.А. Гавриш

Самарский национальный исследовательский университет

УСТАНОВКА ПАМЯТНИКОВ УЧАСТНИКАМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ КАК КОММЕМОРАТИВНАЯ ПРАКТИКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Доклад посвящен такой коммеморативной практике поздней Российской империи как возведение памятников, связанных с Кавказской войной 1817–1864 гг. На примере нескольких монументов раскрыты особенности обращения к памяти об этом конфликте, в частности, рассмотрены, во-первых, конструирование локальных воспоминаний о погибших и, во-вторых, создание больших общегосударственных мемориальных нарративов.

Памятники можно разделить условно по монументальности: от небольших памятников рядовым офицерам на братских могилах до памятников общеимперских масштабов.

«Солдатские» и «народно-казачьи» памятники были распространены по всему Кавказу, их строительством занимались, как правило, войсковые части, участвовавшие в непосредственно боевых действиях, финансовые вопросы зачастую ложились на них, т.к. инициатива и шла от них же, снизу – вверх, связано это было с их желанием отдать дань уважения сослуживцам, увековечить жертвы, которые принесены ради победы. Каждый полк

стремился возвести памятник соратникам. Примерами «солдатских» памятников являются памятники Архипу Осипову (1876 и 1881) в поселке Архипо-Осиповка и во Владикавказе, а также памятник казакам-лабинцам в Лабинской станице (1912), крест в честь битвы у Ольгинского кордона (1869). В большинстве случаев подобные памятники представляют собой каменные плиты с изображением икон, крестов, нанесенными текстами молитв и списками погибших героев [2, с. 104-105].

Известными памятниками на Кавказе были скульптурные изображения М.С. Воронцова и А.П. Ермолова. Памятник Воронцову был поставлен в Тифлисе в 1867 г., причем инициатором установки этого памятника было грузинское дворянство, поддержанное генералом А.И. Барятинским. Воронцов был не только завоевателем, но и устроителем новой жизни региона и города, а его монумент должен был напоминать местным жителям о тех благах, которые они получили, войдя в состав России [6, с. 67]. Памятник Ермолову был поставлен в Грозном, но представлял собой лишь бюст генерала [5, с. 233]. В начале 1910-х гг. были также планы возвести полноценный монумент генералу в Орле, но этому помешала начавшаяся война и революция [4, с. 94].

Наконец, можно обратиться к такому образцу монументальной пропаганды и коммеморации как памятник Александру II в Самаре. Монументальный комплекс состоял из пяти фигур, главной из которых, конечно, была статуя императора, а остальные олицетворяли достижения последнего: освобождение крепостных крестьян в 1861 г., избавление болгарского народа от османского ига, присоединение Средней Азии и, конечно, покорение Кавказа. Последнее достижение царя было изваяно в виде черкеса, ломающего шашку о колено. Подобный монумент монарху не был типичен для провинции [1, с. 275, 278]. Такое изображение Кавказской войны ставило ее в один ряд с важнейшим достижением внутренней политики, а также явно демонстрировало политику внешнюю, обозначая расширение границ России на юге и рост ее влияние в Азии.

Таким образом, широко распространенные в Российской империи памятники о Кавказской войне выполняли различные коммеморативные функции в зависимости от типа монумента. Солдатские памятники, увековечивавшие память погибшим, хотя и не вызывали особого внимания общественности, были важны для самих ветеранов войны, потому что демонстрировали образец патриотизма для воспитания молодого поколения солдат. Монументы военачальникам и императору Александру II обозначали закрепление кавказских земель за Российской империей. С помощью этих памятников складывались нарративы, направленные на формирование исторической памяти о Кавказской войне.

Библиографический список

1. Антипин Н.А. Мемориализация Александра II в Самаре: провинциальный опыт создания имперского коммеморативного нарратива // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 270-286.
2. Колосовская Т.А. К проблеме сохранения исторической памяти в контексте военно-мемориальной деятельности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // История: факты и символы: рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал. 2016. № 8. С. 99-107.
3. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Имперская политика памяти на Кавказе: механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2020. Вып. 64. С. 130-154.
4. Кринко Е.Ф. Отражение Кавказской войны в мемориальной культуре Юга России // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Сост. И.И. Бондарь, А.И. Зудин. Краснодар: Книга, 2014. С. 92-103.
5. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / Под ред. ген.-лейт. Потто. Вып. 2. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1909. 239 с.
6. Салчинкина А.Р. Памятники командующим Отдельным Кавказским корпусом в рамках практики монументальной коммеморации // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. С. 65-68.

М.В. Никулин

Саратовский государственный университет

ДЕТАЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЛИКА САРАТОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕМОКРАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В течение XIX в. русский провинциальный город обретал все более многогранный вид. Из «оплота бюрократии и власти на местах» он превращался также в центр «созидающей, креативной культуры» [2, с. 9]. Особенно интенсивно социально-культурное развитие (вслед за социально-экономическим) стало протекать в пореформенную эпоху, что было связано с утверждением капитализма в России, ростом социальной мобильности, повышением уровня грамотности городского населения и т.д. В то же самое время, однако, на фоне Великих реформ накапливались общественно-политические противоречия, разрасталась прослойка демократической и революционно настроенной интеллигенции. Так, с конца 1860-х гг. особый размах в Саратовской губернии стало приобретать движение народни-